

чения расходящихся звуков, например: "У" у равнинных кри = "j", а у лесных – "D". Подобным образом можно было бы решить вопрос с некоторыми диалектными со-

ответствиями в селькупском языке, например, с парабельским "хэр" и иванкинским "сэр" (корова).

Литература

1. Галкина Т.В., Осипова О.А. Дульзон А.П. К 95-летию со дня рождения. Томск, 1995.
2. Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. Шэшкуй букварь. Томск, 1993; Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск, 1994; Беккер Э.Г., Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц., Морева Л.В. Пособие по селькупскому языку. Томск, 1994; Сказки нарымских селькупов (книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык). Записи, перевод, комментарии; В.В. Быконя, А.А. Ким, Ш.Ц. Купера, Н.П. Максимовой; И.А. Ильяшенко. Томск, 1996.
3. Купер Ш., Пустай Я. Селькупский разговорник (нарымский диалект). Specimina Sibirica, T. VII, 1993.
4. Казакевич О.А., Кузнецова А.И. Языковая ситуация у самодийских народов // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992, М., 1992, с. 92–101; Puszta J. A szölkupok // Minaritates mundi, Szombathely, 1994; Шаргородский Л.Т. Этнические процессы селькупов на современном этапе // "Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить..." Сб., посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева, Барнаул, 1995. С. 75–86.
5. A Proposal for a First Nations Language Instructors' Certificate. Saskatchewan Indian Federated College, 1994; Southern Cree Workgroup Plan // Saskatchewan First Nations Language Instructors' Workshop, 1995.
6. Programma PU8. Jyväskylä, Finland. Redegit Heikki Leskinen, Jyväskylä 1995.
7. Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский, Томск, 1994; Ириков С.И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский, Л., 1988.
8. Морев Ю.А. Диалектная дифференциация селькупского языка и проблема создания письменности // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тез. междунар. науч. конф., т. 1. Новосибирск, 1995, с. 183–186.
9. Wolfart H., Carroll J. Meet Cree. Nebraska, 1981.

Е. С. Лемешко

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (ВАСЮГАНСКИЙ ДИАЛЕКТ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА)

Количественная определенность характеризует все виды и формы материи. Как отражение количественной определенности бытия и логическая, и языковая категории количества предстают как наиболее универсальные [Тураева, Бирейбаум].

Категория количества как на лексическом, так и на нелексическом уровне включает в себя категории единичности и множественности. Как отмечает Г.А. Меновщиков, "понятийные категории единичности и множественности не тождественны грамматической категории числа. Грамматическое число представляет собой лишь один из многих способов обозначения в языке этих категорий" [с. 82].

В данной статье рассматривается вопрос о категории числа имен существительных с целью выяснения функциональных особенностей единственного числа "как грамматической категории.

Основное содержание категории числа существительных – это противопоставление одного предмета двум или более предметам, принадлежащим одному и тому же ряду. Единственное число, как правило, служит для обозначения единичности конкретного предмета, имеющего оппозицию в лице однородных предметов.

Морфологическим показателем единственного числа в Васюганском диалекте хантыйского языка является исходная форма имени без специального маркера. В хантыйском языке, как и в других языках мира, единственное число существительных может обозначать:

1) понятие одного предмета: кул "рыба", ланки "белка", амп "собака";

2) вещество: вах "железо", олна "свинец", нехы "мясо";

3) единство собирательного порядка: л, ак, "сор", тэ-вяря "крошки", "мусор", наск,а "хлам", сахлы "посуда";

4) вид растения: юх "дерево", ул "ягода";

5) явления природы и природные объекты: ват "ветер", пой "град", ики "луна";

6) состояние жизни человека: алам "сон", лил "душа", ос "терпение", паям "голод".

Категория единственного числа существительного не является простой по содержанию. Так, единственное число выражает не только понятие одного предмета, но и понятие предмета вообще, как называет это Бехагель, "неограниченное представление о предмете: массу, количество, вещество, вид растения, явления природы, процессы и состояние жизни человека, качество". "Способность имен существительных в форме единственного числа обозначать множественность объектов – обычное явление в языках различных типов" [М.А. Кумахов, с. 85].

В Васюганском диалекте хантыйского языка, как и во многих современных финно-угорских языках, наблюдается весьма широкое употребление формы единственного числа. Так, имя, не имеющее каких-либо формантов, выражающих то или иное значение неединственности (множественность, двойственность), применяется не

только при названии одного предмета, но выражает нередко два и больше предметов:

1) в сочетании с количественными числительными и словом арки: арки кул "много рыбы", арки äмп "много собак", joi jävэт пуун? Кон?мт?т? "в шамана семь стрел попало"

2) при обозначении парных частей тела и относящихся к ним парных предметов одежды: м?нн? м?нам сэм?мн? читууал?м "я своими глазами ведел" (досл. "своим глазом") ср. х. Apsel tox ant tail "у его младшего брата нет лыж" (досл. "нет лыжи"), в. osszertett kezzel "сложенными руками" (досл. "рукой"); в связи с этим явлением одна рука, один сапог и так дальше называются половиной руки, половиной сапога и т. д.

3) при обозначении плодов, цветов, животных: нау ыр чэуикáлтв, "шишки запасали", кул тáть Үвэркэтьв "рыбу

запасали" (досл. "шишку") ср. в. viragot szed "собирает цветы" (досл. "цветок").

Указанные особенности были свойственны уже прафинно-угорскому и даже прауральскому языку. Таким образом, несмотря на нетождественность понятийных и грамматических категорий единичности и множественности, одна и та же грамматическая форма единственного числа может наполняться разным содержанием. Так, существительные, не имеющие грамматических показателей множественности могут употребляться для выражения более одного предмета в зависимости от семантики имени.

Сокращения:

в. – венгерский язык

х. – хантыйский язык

Литература

1. Кашина Л.И. Сказки и бытовые тексты (Васюган) // Сказки народов севера, 1976. С. 124–140.
2. Калинина Л.И. Хантыйские тексты // Языки и топонимия Сибири. 1970. № 2, С. 19–26.
3. Кумахов М.А. Число и грамматика. – Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 65–74.
4. Медовщиков Г.А., Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа. Вопросы языкознания. – 170. № 2. С. 82–88.
5. Основы финно-угорского языкознания. – М. 1976.
6. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л. – 1981.
7. Тураева З.Я., Биренбаум. – Некоторые особенности категории количества. – Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. С. 122–130.
8. Хантыйско-русский словарь. – Томск. – 1996.

Т. И. Поротова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩНОСТИ КЕТСКИМИ ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ

Самая большая группа кетских глаголов, употребляемых в текстах и каким-то образом выражающих будущность, – это глаголы движения, а именно передвижения с одного места на другое, и прежде всего группа глаголов со значением "идти, ходить".

В эту группу А.П. Дульзон выделил 14 глаголов [Дульзон, 1968: 350–359]. За основу ориентации мы берем в этой работе 1 л. ед. ч. Это следующие глаголы: 1) тайуе "ходить, расхаживать, гулять", 2) боуот "уходить, уезжать", 3) ди:еуак "пойти, выходить, сходить", 4) дадди "подойти, прийти", 5) ди:як "сходить, пойти", 6) дегдадак "спускаться вниз", 7) датайдак "идти вверх", 8) теттадах "переходить", 9) с'убоуо:нден (прош.) "обратно идти", 10) долъксък "выходить наружу", 11) һыта боует "завязнуть", 12) ка:сак "зайти", 13) диск'ивис' "вернуться", 14) датбосит "спускаться". Поскольку глаголы с'убоуо:нден и һыта боует основаны на глаголе боуот, их пришлось объединить с глаголом боует.

Е.А. Крейнович выделяет среди всей массы глаголов движения четыре основных: батсак "я сбегаю", ди:як "я

схожу", боуэт'н "я пойду", тайж "хожу", и не менее девяти других передвижения с одного места на другое, причем он классифицирует их по однократности, имеющей три степени длительности с разными грамматическими показателями и по многократности. Первую и вторую степень длительности образует глагольная основа ак "ходить", однако в некоторых глаголах эта основа проникает и в третью степень длительности, особенно в формы ед. числа. Система, предложенная Е.А. Крейновичем, очень интересна, и в будущем полное описание этих глаголов может составить предмет особой работы [Крейнович, 1968: 167]. В данной работе рассматриваются только текстовые особенности глаголов движения при выражении будущности.

Глагол тайуе употребляется для выражения будущности редко. По Е.А. Крейновичу он имеет только многократный способ действия и не выражает будущности [Крейнович, 1968: 168]. Наши примеры свидетельствуют, что этот глагол способен иметь значение будущности, например: код бил'а ил'баңга кан тайуе, а һис' тон' тайуе "хоть как по земле пусть хожу, а так (вот) хожу", тус'ең